

Андрей Шляхов

**ЗАПИСКИ
ИЗ СКОРОЙ ПОМОЩИ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш70

Шляхов Андрей

Ш70 Записки из Скорой помощи» / Андрей Шляхов. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 352 с. — (Научно-популярная медицина).

ISBN 978-5-17-121409-8

Подстанция «скорой помощи» в одном из спальных районов столицы. Одни сотрудники усердно трудятся в поте лица, помогая ближним своим, другие делают это не столь усердно, а третьи усиленно интригуют, пытаются убрать со своего пути новую начальницу..

Добро пожаловать на шестьдесят вторую подстанцию московской «скорой помощи»!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 20.01.20 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. п. л. 22,00. Тираж экз. Заказ №
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 - книги, брошюры печатные

ISBN 978-5-17-121409-8

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Все события, описанные в этой книге,
являются вымыслом автора, который
очень старался, чтобы вымысел этот
как можно больше походил на правду.

«Мы вернемся к месту нашей встречи,
Где возникли ласковые речи,
Где возникли чистые мечты...»

Игорь Северянин, «Мы вернемся...»

Жизнь на десять процентов состоит из
того, что с нами происходит, и на
девятьюстами процентами из того, как мы на
это реагируем.

Станислав Лем

Пролог. КЛЯТВА ВРАЧА

«Получая высокое звание врача и приступая к профессиональной деятельности, я торжественно клянусь:

1) честно исполнять свой врачебный долг, посвящать свои знания и умения предупреждению и лечению заболеваний, сохранению и укреплению здоровья человека;

2) быть всегда готовым оказать медицинскую помощь, хранить врачебную тайну, внимательно и заботливо относиться к больному, действовать исключительно в его интересах независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;

3) проявлять высочайшее уважение к жизни человека, никогда не прибегать к осуществлению эвтаназии;

4) хранить благодарность и уважение к своим учителям, быть требовательным и справедливым к своим ученикам, способствовать их профессиональному росту;

5) доброжелательно относиться к коллегам, обращаться к ним за помощью и советом, если этого требуют интересы больного, и самому никогда не отказывать коллегам в помощи и совете;

6) постоянно совершенствовать свое профессиональное мастерство, беречь и развивать благородные традиции медицины».

Глава первая. НОВОСТЬ

— А-а-а-а! — орал мужчина средних лет, картинно раскинувшийся на мокром асфальте. — Нога-а-а! Больно-о-о! О-о-о!

Около него прыгал стажер Эдик Старчинский. Тощий, высокий, похожий на гигантского кузнечика. Ощупал поврежденную конечность, высвободил из рукава кожаной куртки руку пострадавшего, быстро измерил давление, удовлетворенно кивнул лохматой головой, сунул тонометр в карман халата (синий форменный костюм долговязому новичку сестра-хозяйка в своих закромах подобрать не смогла, отправила заявку на Центр) и принялся внимательно разглядывать зрачки.

Пациент покорно ждал конца осмотра, время от времени спохватываясь и издавая очередной стон, проникновенности и трагизму которого позавидовал бы любой актер.

Глядя на них, Данилов вспомнил институтскую лекцию, посвященную принципам сортировки раненых.

— Запомните, доктора, — внушал студентам подполковник Таланкин, за пылкую страсть к этиловому спирту прозванный Спиртовкой. — В первую очередь помощь оказывается не тем, кто кричит и рыдает, а тем, кто делать это уже не в состоянии. Только так! Крикуны подождут, ничего с ними не случится, разве что охрипнут немного. Вы больше нужны тем, кто без сознания. Им помощь оказывается в первую очередь...

Даниловская бригада, прибыв на место аварии, так и поступила. Сам Данилов с фельдшером Верой Каликиной занялся водителем старой заслуженной «четверки», пока еще живым, но уже затихшим в предчувствии близкого конца, а врача — стажера Эдика отправил к единственному пассажиру, проклинавшему судьбу-злодейку на весь ночной Волгоградский проспект, пустынный и безразличный.

— Твою мать, что делают, а? — раздалось за спиной Данилова.

Водитель Петрович принес носилки и выразил свое неодобрение произошедшим. Его можно понять — если бы его горемычный коллега не врезался бы на полном ходу в фонарный столб, то одиннадцатая бригада сейчас бы отдыхала на родной шестьдесят второй подстанции.

Скорее всего — не отдыхала бы, а мчалась на новый вызов. Это в седую лохматую старину, когда Петровича называли Колькой и среди водителей «скорой» он был одним из самых юных, ночью можно было и впрямь урвать пару-тройку часов для сна. А то и все шесть — если подстанция «спокойная», с тихим, слабо телефонизованным районом обслуживания. Там была благодать, тем более что в те времена свободные бригады посылались в помощь соседям редко, в самом крайнем случае, а не походя, как сейчас.

— Как-то раз, летом, вышел я на сутки с девяти часов, а первый вызов мы получили в семнадцать сорок, — вспоминал Петрович. — Скучали порой по вызовам, как сейчас по отдыху. Эх, бывали времена!

Так уж устроен человек. Ему всегда верится в лучшее.

Если бы... да кабы...

— Не переживай, Петрович, — отозвался Данилов, накладывая кровоостанавливающий жгут на левое бедро пострадавшего. — Сейчас полечим, отвезем в «кузницу здоровья», а там уже и до конца смены недалеко. Время работает на нас!

— Тьфу-тьфу! — суеверный Петрович трижды сплюнул через левое плечо.

В прошлую смену, в семь тридцать, за полчаса до окончания суточной смены, им дали вызов с поводом «ребенок три года, отравление таблетками». Повод из самых серьезных, на который мчатся пулей, с включенными сиреной и мигалкой. Счет идет на минуты, пока таблетки всасываются в детском желудке.

Трехлетняя девочка Арина проснулась утром первой, тихо вылезла из своей кровати и отправилась пробовать «конфетки», лежащие на бабушкиной тумбочке. Хорошо хоть начала свою «дегустацию» с относительно безвредного «аспаркама», препарата калия, обойдя своим вниманием «капотен» и нитросорбид, резко понижающие артериальное давление. Пока промывали желудок, да пока везли по забитой машинами Москве в детскую больницу, да пока вернулись обратно на подстанцию, на часах уже было без четверти два. Повезло, называется.

— В Америке, например, закон запрещает оставлять без присмотра детей до двенадцати лет! — сказала на обратном пути Вера, высовываясь в водительский отсек. — Там, наверное, не раскидывают таблетки где попало!

— Законы законами, а здравый смысл здоровым смыслом, — вздохнул Данилов, проезжая мимо своего дома, где ему полагалось уже второй час отдыхать после дежурства...

Разрезанные по шву, чтобы можно было осмотреть рану, и намокшие от крови брюки пострадавшего нестерпимо воняли бензином. Скрючившись в три погибели, Данилов насколько возможно втиснулся в салон покореженного автомобиля, убедился в том, что правая нога водителя ничем не зажата, что в салоне шину на сломанную левую ногу (открытый перелом костей голени) не наложить и что позвоночник у водителя вроде бы цел, а затем скомандовал:

— Достаем! Максимально плавно и осторожно! Без рывков!

— Плавали — знаем! — отвечает Петрович.

Дела были не так уж и плохи — несчастного водителя не зажало в салоне и дверцы открылись сразу же, с первой попытки, а то пришлось бы спасателей вызывать, чтобы вскрывали машину гигантскими ножницами, словно консервную банку. Бригада бы их дождалась, а вот дождался бы пострадавший — это еще бабушка надвое сказала. Опять же бензин в салоне — тут и до пожара недалеко.

Данилов подхватил вялое тело подмышки, Петрович синхронно взялся за ноги, а Вера развернула носилки так, чтобы им было удобнее.

Данилов с Петровичем осторожно положили пострадавшего на носилки. Плавно и нежно, как драгоценную антикварную вазу из хрупкого фарфора.

— О, господи! — вырывалось у Петровича.

В свете уличных фонарей он разглядел в полной красе голень пострадавшего, точнее не ногу, а бурое месиво, похожее на плохо провернутый фарш, из которого торчали наружу желтые обломки костей. Благодаря наложенному доктором жгуту, кровь уже не текла из раны, но все равно общее впечатление было сильным и весьма удручающим.

Данилова всегда удивляло то, что на рынке люди могут спокойно наблюдать за процессом рубки мясных туш, без содрогания перебирать куски мяса с костями и без, а вот вид открытой раны, да еще «с косточкой», чаще всего приводит их в шоковое состояние. Почему так? Сам он давно уже смотрел на все спокойно — то ли привык, то ли огрубел душой. Мясо и кости, как ни крути, остаются мясом и костями.

— А ты отвернись, — посоветовала Вера. — Твое дело на дорогу смотреть, а не на переломы.

Петрович, несмотря на более чем солидный стаж работы на «скорой», так и не смог до конца изжить в себе впечатлительность. Особенно его смущают «угольки» — пациенты с большими ожогами. Зрелище и впрямь не из приятных — обуглившиеся ошметки кожи, волдыри, заполненные мутной жидкостью, сочащиеся влагой ткани, лишившиеся своего защитного покрова... Этот своеобразный этюд в багрово-желтых тонах с примесью черного, обильно приправлен флюидами ужаса и боли, исходящими от пострадавших. В подобных случаях Петрович вооружается ватным тампоном, пропитанном нашатырем, и с его помощью спасается от обморока.

— Взяли, — негромко бросил Данилов.

Врач и водитель с носилками в руках почти бегом устремились к своей «ласточке» — белой машине, украшенной красными цифрами «03». Вера побежала за ними. За те секунды, которые ушли на то, чтобы запихнуть носилки в салон, она успела залезть в ящик и выдать Эдику шприц-пятерку, спиртовую салфетку и по одной ампуле анальгина и димедрола.

— Что там? — осведомился Данилов, заскакивая в салон следом за носилками.

— Ушиб коленного сустава! — ответил Эдик и добавил: — Повезло!

— Ему или тебе?! — не смогла удержаться от шутки Вера.

— Ему, ясное дело.

Эдик поспешил вернуться к пациенту.

— Эдик, ты его не отпускай! — крикнул Данилов вдогонку стажеру. — По любому надо госпитализировать.

Отказ от госпитализации при «авто» (так на «скорой» называют автомобильные аварии) обязательно вызовет недовольство у старшего врача Дмитрия Александровича Кочергина, которого за гадкий характер на подстанции прозвали Лжедмитрием. На утреннем совещании Лжедмитрий, поглаживая лысину, поправляя сползающие очки и теребя козлиную бородку, будет долго говорить об отсроченных осложнениях, врачебной самонадеянности и людском легкомыслии. Так, невзначай, можно и выговор огрести, и премии лишиться. Нет уж — никаких отказов от госпитализации и «я пойду домой». Сдать его в приемный покой — оттуда пусть домой и уходит. Скатертью дорога.

Привычными, тысячекратно отработанными движениями, Данилов засунул страдальцу в трахею пластиковую интубационную трубку, зафиксировал ее, надув ртом баллончик, кольцом эту самую трубку опоясывавший, и подключил к аппарату искусственной вентиляции легких, сокращенно ИВЛ, в режиме вспомогательной вентиляции. Теперь, если пациент забудет сделать очередной вдох, это возьмет на себя аппарат. Потому вентиляция и называется вспомогательной.

Вера тем временем укрепила на правом предплечье пациента манжету тонометра, измерила давление, поставила на левом предплечье катетер и наладила капельницу с полиглюкином, одним из так называемых «кровезамещающих» растворов, по физическим характеристикам весьма схожим с кровью.

— Восемьдесят на пятьдесят пять, — доложила она Данилову.

— Преднизолон!

Работая с опытным фельдшером, дозировки можно не указывать. Это удобно. Иметь в составе бригады опытного фельдшера вообще очень удобно. И к тому же приятно, если у фельдшера хороший характер и он не любит «стучать» начальству. Вера Каликина отвечала всем требованиям, и Данилов постоянно работал с ней в одной бригаде уже третий год.

В машине работать тесно, но все привыкшие. Быстро, но без суеты Данилов и Вера делали свое дело. Через несколько минут артериальное давление пациента немного поднялось и стабилизировалось.

Теперь настало время заняться сломанной ногой. Данилов, насколько возможно в «полевых условиях», обработал рану, извлекая пинцетом осколки костей, а Вера наложила на нее стерильную, иначе говоря — асептическую повязку. Затем они приложили к пострадавшей конечности шину и осторожно, но туго прибинтовали ее в трех местах. Теперь пациента можно транспортировать.

Главное — правильная очередность действий. Умный отличается от дурака знанием того, что надо делать сначала и что — потом. Дурак, а среди врачей такие попадаются так же часто, как и среди представителей других специальностей, начал бы шинировать ногу еще на улице, возле машины и непременно бы «потерял» пациента, умершего как раз к окончанию манипуляции.

К этому времени пациент Эдика оклемался настолько, что в сопровождении доктора подошел к машине «на своих двоих». Шел он хорошо — прихрамывал, но не шатался.

— Будем на себя вторую машину вызывать? — поинтересовался Эдик.

Так вообще-то положено. Один больной — одна бригада. Правда, вызови Данилов «на себя» в подобной ситуации кого-нибудь из коллег, он надолго стал бы для них посмешищем, требующим «усиления» для госпитализации «сидячего» амбулаторного больного. Другое дело, если бы и второй пострадавший был бы так же плох, как и первый — тогда без помощи коллег было не обойтись.

— Зачем? — в очередной раз измеряя «своему» пациенту давление, удивился Данилов. — Доедет с нами. Какой ставишь диагноз?

— Ушиб правого коленного сустава...

— Алкогольное опьянение, — добавляет Вера, приняв себя к «выхлопу» от «ушибленного», доносящемуся через открытую дверь салона.

— Поедет сидя, — Данилов покрутил колесико на трубке капельницы, слегка замедляя течение полиглюкина.

— А может, я лучше домой? — предположил мужик, всем своим бравым видом демонстрируя, что он здоров и получасом раньше умирающего лебедя на асфальте изображал кто-то другой.

— В больницу! — твердо ответил Данилов.

— Домой, а? — заканючил мужик, не торопясь усаживаться в салон. — Пешочком. Я тут недалеко живу...

— У нас один сосед вот так пришел домой после аварии, — вступает в разговор Петрович. — Пешочком, не торопясь, по холодку, чтобы солнышко голову не напекло...

Все истории Петровича имеют один и тот же конец. Фатально-летальный.

— И что? — вскинулся мужик, ошибочно видя в Петровиче союзника.

— Ничего... — Петрович невозмутим. — Умылся, перекусил, лег отдохнуть и помер. Субарахноидальное кровоизлияние. Тридцать восемь лет дураку было. Жена, двое детей. Теперь вдова и двое сирот. Тебе-то сколько?

— Сорок один.

— Дети есть?

— Дочка.

— Ну и решай, что делать. Каждый сам выбирает, где ему помирать...

Пациент Эдика молча залез в салон и устроился на заднем боковом сиденье, именуемом на «скорой» «креслом для сопровождающих». Обычно на нем едут родственники или друзья больного. Эдик уселся на единственное, оставшееся свободным место — рядом с водителем, и обернулся к Данилову.

— Запрашивай место, — протягивая ему свой «наладонник», сказал Данилов. — Мужчина сорока лет, че-эм-тэ, открытый перелом правой голени, кома и второго не забудь... да, и обрати внимание, чтобы места в одном стационаре дали!

Человеку свойственно ошибаться, говорили древние. Тем более — на Центре. Тем более — под конец смены. Вполне можно «не включить мозги» и дать «тяжелому» место в реанимации сто шестьдесят восьмой больницы, а «легкого» отправить в Первую градскую. Бывали прецеденты...

«Легкий» больной с любопытством оглядел убранство салона, стараясь не смотреть на манипуляции врача и фельдшера с его собратом по несчастью, и вдруг начал блевать. Блевал он обстоятельно, обильно, при этом деликатно пытаясь прикрыть рот обеими руками.

— Фу, не мог на улице... — поморщилась Вера.

— Ты б хоть окно открыл! — взревел Петрович.

— Эдик! Добавь своему пациенту сотрясение головного мозга средней тяжести, — подсказал Данилов.

— Есть, сэр! — откликнулся Эдик и тотчас же, устыдившись своей фамильярности, добавил: — Хорошо, Владимир Александрович.

Эдик уже третью смену стажировался в бригаде. Данилову он нравился. Толковый парень, знающий, вроде бы не вредный. Эдик имел все шансы стать нормальным врачом. Лет через несколько...

— Извините, пожалуйста, — смутился пациент, наконец-то закончив блевать. — У вас тряпка есть? Я подотру...

— Чего уж там, — свеликодушничала Вера, — дело житейское. Вы лучше скажите, как зовут вашего товарища.

— Он мне не товарищ, — пытаюсь привести себя в порядок при помощи носового платка, ответил тот. — Мы не знакомы. Он подрядился меня домой довести и вот — довез, называется...

И после небольшой паузы, как-то совсем по-детски спросил:

— Можно выйти? Отряхнуться хотя бы...

— «Кузницу здоровья» дали, — доложил Эдик, возвращая Данилову «наладонник». — Сто шестьдесят восьмую.

Подобно всем новичкам, он тут же впитал в себя профессиональный жаргон и то и дело пользовался им, стараясь походить на бывалого «скорпомощника». Оксигенитрат натрия называет «Оксаной», магнезию — «магнолией», инфаркт миокарда — «Иваном Михайловичем»...

— В стационаре отряхнешься! — крикнул пациенту Петрович. — Через три минуты!